

Екатерина Самуцевич

- В последнем слове от подсудимого обычно ждут обычно либо раскаяния, либо сожаления о содеянном, либо перечисления смягчающих обстоятельств. В моем случае, как и в случае моих коллег по группе, это совершенно не нужно. Вместо этого я хочу высказать свои соображения по поводу причин произошедшего с нами.

То, что храм Христа Спасителя стал значимым символом в политической стратегии наших властей, многим думающим людям стало понятно еще с приходом на руководящий пост в Русской православной церкви бывшего коллеги Владимира Владимировича Путина Кирилла Гундяева. После чего храм Христа Спасителя начал откровенно использоваться в качестве яркого интерьера для политики силовых структур, являющихся основным источником власти.

Почему Путину вообще понадобилось использовать православную религию, ее эстетику? Ведь он мог воспользоваться своими, куда более светскими инструментами власти - например, национальными корпорациями, или своей грозной полицейской системой, или своей послушной судебной системой? Возможно, что жесткая неудачная политика проекта Путина - инцидент с подводной лодкой «Курск», взрывы мирных граждан среди бела дня и другие неприятные моменты в его политической карьере - заставили задуматься о том, что ему уже давно пора сделать самоотвод, иначе в этом ему помогут граждане России. Видимо, именно тогда ему понадобились более убедительные, трансцендентные гарантии своего долгого пребывания на вершине власти. Здесь возникла потребность использовать эстетику православной религии, исторически связанной с лучшими имперскими временами России, где власть шла не от таких земных проявлений, как демократические выборы и гражданское общество, а от самого Бога.

Как же ему это удалось? Ведь у нас все-таки светское государство, и любое пересечение религиозной и политической сфер должно строго пресекаться нашим бдительным и критически мыслящим обществом?

Видимо, здесь власти воспользовались определенной нехваткой православной эстетики в советское время, когда православная религия обладала ореолом утраченной истории, чего-то задавленного и поврежденного советским тоталитарным режимом, и являлась тогда оппозиционной культурой. Власти решили апроприировать этот исторический эффект утраты и представить свой новый политический проект по восстановлению утраченных духовных ценностей России, имеющий весьма отдаленное отношение к искренней заботе о сохранении истории и культуры православия. Достаточно логичным оказалось и то, что именно Русская православная церковь, давно имеющая мистические связи с властью, явилась главным медийным исполнителем этого проекта. При этом было решено, что Русская православная церковь, в отличие от советского времени, где церковь противостояла, прежде всего, грубости власти по отношению к самой истории, должна также противостоять всем пагубным проявлениям современной массовой культуры с ее концепцией разнообразия и толерантности.

Для реализации этого интересного во всех смыслах политического проекта потребовалось немалое количество многотонного профессионального светового и видео оборудования, эфирного времени на центральных каналах для прямых многочасовых трансляций и, в последующем, многочисленных подсьеомок к укрепляющим мораль и нравственность новостным сюжетам, где и будут произноситься стройные речи патриарха, помогающие верующим сделать правильный политический выбор в тяжелые для Путина предвыборные времена. При этом все съемки должны проходить непрерывно, нужные образы должны врезаться в память и постоянно возобновляться, создавая впечатление чего-то естественного, постоянного и обязательного.

Наше внезапное музыкальное появление в храме Христа Спасителя с песней «Богородица, Путина прогони» нарушило цельность этого, так долго создаваемого и поддерживаемого властями медийного образа, выявило его ложность. В нашем выступлении мы осмелились без благословения патриарха совместить визуальный образ православной культуры и культуры протеста, наведя умных людей на мысль о том, что православная культура принадлежит не только Русской православной церкви, патриарху и Путину - она может

оказаться и на стороне гражданского бунта и протестных настроений в России. Возможно, такой неприятный масштабный эффект от нашего медийного вторжения в храм стал неожиданностью для самих властей. Сначала они попытались представить наше выступление как выходку бездушных воинствующих атеисток. Но сильно промахнулись, так как к этому времени мы уже были известны как антипутинская панк-феминистская группа, осуществляющая свои медианабеги на главные политические символы страны. В итоге, оценив все необратимые политические и символические потери, принесенные нашим невинным творчеством, власти все-таки решились оградить общество от нас и нашего нонконформистского мышления. Так закончилось наше непростое панк-приключение в храме Христа Спасителя.

У меня сейчас смешанные чувства по поводу этого судебного процесса. С одной стороны, мы сейчас ожидаем обвинительный приговор. По сравнению с судебной машиной, мы никто, мы проиграли. С другой стороны, мы победили. Сейчас весь мир видит, что заведенное против нас уголовное дело сфабриковано. Система не может скрыть репрессивный характер этого судебного процесса. Россия в очередной раз выглядит в глазах мирового сообщества не так, как пытается ее представить Владимир Путин на каждодневных международных встречах. Все обещанные им шаги на пути к правовому государству, очевидно, так и не были сделаны. А его заявление о том, что суд по нашему делу будет объективен и вынесет справедливое решение, является очередным обманом всей страны и мирового сообщества. Все. Спасибо.

(аплодисменты, крики: «Спасибо!»)

ПРИГОВОР БУДЕТ ОЗВУЧЕН 17 АВГУСТА, В 15:00